

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *

I.

В начале 1806 года Николай Ростов вернулся в отпуск. Денисов ехал тоже домой в Воронеж, и Ростов уговорил его ехать с собой до Москвы и остановиться у них в доме. На предпоследней станции, встретив товарища, Денисов выпил с ним три бутылки вина и подъезжая к Москве, несмотря на ухабы дороги, не просыпался, лежа на дне перекладных саней, подле Ростова, который, по мере приближения к Москве, приходил все более и более в нетерпение.

"Скоро ли? Скоро ли? О, эти несносные улицы, лавки, калачи, фонари, извозчики!" думал Ростов, когда уже они записали свои отпуска на заставе и въехали в Москву.

-- Денисов, приехали! Спит! -- говорил он, всем телом подаваясь вперед, как будто он этим положением надеялся ускорить движение саней. Денисов не откликнулся.

-- Вот он угол-перекресток, где Захар извозчик стоит; вот он и Захар, и всё та же лошадь. Вот и лавочка, где пряники покупали. Скоро ли? Ну!

-- К какому дому-то? -- спросил ямщик.

-- Да вон на конце, к большому, как ты не видишь! Это наш дом, -- говорил Ростов, -- ведь это наш дом! Денисов! Денисов! Сейчас приедем.

Денисов поднял голову, откашлялся и ничего не ответил.

-- Дмитрий, -- обратился Ростов к лакею на облучке. -- Ведь это у нас огонь?

-- Так точно-с и у папеньки в кабинете светится.

-- Еще не ложились? А? как ты думаешь? Смотри же не забудь, тотчас достань мне новую венгерку, -- прибавил Ростов, ощупывая новые усы. -- Ну же пошел, -- кричал он ямщику. -- Да проснись же, Вася, -- обращался он к Денисову, который опять опустил голову. -- Да ну же, пошел, три целковых на водку, пошел! -- закричал Ростов, когда уже сани были за три дома от подъезда. Ему казалось, что лошади не двигаются. Наконец сани взяли вправо к подъезду; над головой своей Ростов увидал знакомый карниз с отбитой штукатуркой, крыльцо, тротуарный столб. Он на ходу выскочил из саней и побежал в сени. Дом также стоял неподвижно, нерадушно, как будто ему дела не было до того, кто приехал в него. В сенях никого не было. "Боже мой! все ли благополучно?" подумал Ростов, с замиранием сердца останавливаясь на минуту и тотчас пускаясь бежать дальше по сеням и знакомым, покривившимся ступеням. Всё та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, также слабо отворялась. В передней горела одна сальная свеча.

Старик Михайла спал на ларе. Прокофий, выездной лакей, тот, который был так силен, что за задок поднимал карету, сидел и вязал из покровок лапти. Он взглянул на отворившуюся дверь, и равнодушное, сонное выражение